

Вечеринка в Освенциме

Женский оркестр у ворот смерти

Вместо увертюры

Глубокой ночью, когда вся Германия мирно спит, я смотрела по немецкому телевидению страшный фильм. Не скрою, была потрясена. Казалось, уже все известно о немецких концлагерях и гетто Второй мировой войны. Но кто из нас сегодня знает, что даже в нечеловеческих, поистине безумных условиях лагерного холода люди из последних сил пытались не потерять того, что составляло для многих из них смысл жизни? В Терезиен-гетто действовала школа детского рисунка. Строчки Пауля Целана, пережившего Черновикское гетто, стали символом послевоенной немецкой поэзии: "... сладко о смерти играть нам велит смерть маэстро немецкой! / скрипки мрачнее того, что голос ваш дымом густым воспарил! / тогда в облаках обретешь ты могилу там где не тесно...". Слышал ли кто воспоминания Кокко Шумана, виолончелиста-виртуоза, игравшего сольные концерты в Бухенвальде? И многие ли знают, что массовые уничтожения людей в лагере Освенцим-Биркенау сопровождались музыкой двух оркестров — мужского в Освенциме и женского в Биркенау?

"Женский оркестр Освенцима" — так назывался тот документальный фильм — показывали очень поздно, и это не случайно. Ведь большинство лент о нацизме предпочитают ныне в Германии показывать именно по ночам. Немецкие школьники зачастую имеют весьма скудное представление об Освенциме. Иные вопрошают: "А был ли он, Освенцим?" Нет предела цинизму тех, кто отвечает: "Да, был, нормальный трудовой лагерь..." А ведь они остались, эти люди, пережившие самое страшное.

И я отправилась на их поиски. Темой женского оркестра в Освенциме заинтересовался в 80-е годы знаменитый американский драматург Артур Миллер, и в фильме по его сценарию "Игра на время" главную роль сыграла Ванесса Редгрейв. Но это все-таки художественное произведение... А документальные свидетельства, воспоминания? В 1976 году в Париже вышла книга Фани Фенелон "Женский оркестр в Аушвице". Она выдержала 15 изданий. Но Фани уже нет в живых. Зато жила Анита Ласкер-Вальфшиш, опубликовавшая в 1936 году свою книгу, которая так и называется: "Вы должны унаследовать правду. Воспоминания виолончелистки из Освенцима".

Я позвонила Аните в Лондон, и мы встретились в отеле "Ренессанс" немецкого города Карлсруэ. Мы сидели при свечах, тихо звучала классическая музыка... Тема Освенцима, воскрешая в страшных расказах очевидца, так не вписывалась в атмосферу этой романтической ночи...

Аушвиц — Освенцим

В этом польско-еврейском городке была когда-то своя тихая, мирная жизнь. Лагерь возник недалеко за городом в 1940 году, когда сначала евреи из Кракова, потом цыгане, а позже миллионы людей самых разных национальностей свозились сюда эшелонами со всей оккупированной Европы. Массовая машина уничтожения уже не справлялась, что и вызвало необходимость строительства в октябре 1941 года еще одного лагеря — Биркенау. Лагерь представлял собой каменную пустыню, над которой и птицы не отваживались пролетать.

Немецкая статистика тех времен была безошибочна: объем работы пеней и вешаемости газовых камер подсчитывались ежедневно, пересчеты заключенных на плацу длились часами в зной и мороз. Дабы эти многочасовые проверки не были так ошутны для начальства, в 1942 году в Освенциме создали из заключенных мужскую музыкальную капеллу, основной репертуар которой составили бойные военные марши. Руководителем женского лагеря Биркенау Мария Мандел, не знавшая пределов в усердном служении фюреру, предложила команданту лагеря Крамеру создать женский оркестр. Да, это был тот самый Крамер — ценитель искусства, жена которого так гордилась сумочкой из изысканно татуированной человеческой кожи.

Оркестр маленькой надежды

Идея создания оркестра возникла у Мандел, вероятно, по аналогии со столь популярными женскими оркестрами предвоенного времени. Это она перед отправкой узников в газовые камеры утварила интересом, чего не хватало музыкантам, и могла самолично привести не только ноты, но и парочку башмаков. По ее же приказу был организован специальный барак для оркестранток, в котором не еврейкам позволялось находиться рядом с еврейками (подлинное равноправие... несомненное с идеалами рейха). И это она, Мария Мандел, будет несколько дней играть с двухлетним мальчиком, кормить его и баловать, прежде чем собственноручно отнесет его в газовую камеру, после чего, слегка взгрустнув, попросит оркестранток сыграть арию из "Мадам Баттерфляй"... Оркестр онемел от ужаса, но будет играть...

Поезда с заключенными приходили днем и под вечер. Ликвидация происходила по ночам. Особое инстинктивное "работали" машины смерти в 1943 — 1944 годах, когда уничтожение немецкого и восточноевропейского еврейства в Освенциме приняло массовый характер. Гуп поездов был постоянным фоном в оркестровом барке. Слышались не только звук колес,

удары засовов на дверях... был слышен человеческий стон, крики прощания и отчаяния... От запаха дыма было невыносимо тяжело дышать... Но они играли... Два раза на плацу и по несколько раз в день у себя в бараке. Ежедневные репетиции длились по 17 часов. Вальфшиш и парадные марши, попури из Дворжака и Сарасате, инструментальные обработки модных мелодий того времени и даже запрещенного тогда в Германии Мендельсона-Бартольди — кто из надзирателей знал, что это именно его произведение? Они играли, чтобы выжить, ибо принадлежность к оркестру давала не только примитивные материальные блага, такие, как туалет, душ и чуть лучший рацион еды, но и этическое ощущение связи с реальным миром прошлого, с осознанием собственного достоинства. В Германии закон 1933 года запретил всем лицам еврейской национальности концертную деятельность, в 1938 году был объявлен запрет на посещение ими концертов. Помня жизнь в гетто, в лагерь евреи брали с собой самое дорогое: скрипки, виолончели, мандолины, баяны... Музыкальные инструменты, лишённые своих хозяев, медленно заполняли оркестровый барак.

Оркестр, который начал свое существование как музыкальная маршевая капелла, рос по своей численности: в 1943 году его состав пополнился певицей, виолончелисткой и ударными. В это же время возникла целая группа переписчик нот, ибо, готовя все новый и новый репертуар, музыканты делали и собственную аранжировку исполняемых произведений. У оркестра была своя форма: белые козынки на головах, полосатые пижамки и голубые юбки. К январю 1944 года оркестр представлял собой единую группу, в состав которой входили 30 исполнительниц, 5 певиц, 8 переписчик нот — выходцы из Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Венгрии, Греции, Польши, России и Украины. Кто были эти "русские" — Броня и Ольга в начале войны участвовали в украинском подполье... Как сложились их судьбы? Пока это лишь тайна истории.

Была и своя трагическая ирония судьбы в том, что фамилия старшей по оркестровому блоку была Чайковская — учительница музыки из Польши, "славившаяся" особой жестокостью и цинизмом, она при случае любила упомянуть своего великого русского однофамильца. Но в Освенциме-Биркенау была и другая "русская" история... История о непокорившихся 16 тысячам русских военнопленных, привезенных в лагерь осенью 1941 года, — ее знал здесь почти каждый... Из 16 тысяч выжили несколько десятков человек. Рассказывали, что остальные отказались работать на немцев. "Мы не работники, мы — солдаты!" — был их ответ врагу...

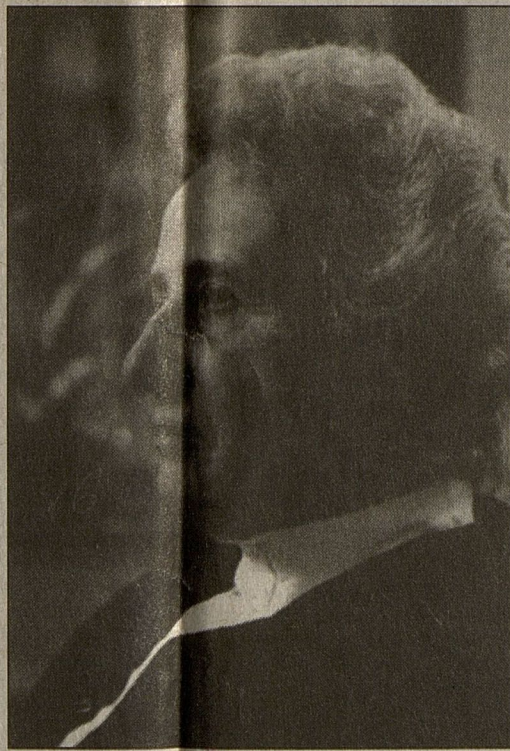

Вверху: в лагере смерти Освенцим. В центре: А.Ласкер-Вальфшиш. Берлин, 1938 г. (слева), Лондон, 1996 г. (справа). Внизу: А.Розе со своим оркестром "Девочки венского вальса" (довоенный снимок)

Мужественность одних стала лагерной болью, поддерживающей дух других.

Игра юных девочек, а было оркестранткам от 16 до 25 лет, игра на плацу перед обесчелоченными людьми, но еще более перед их убийцами была, без сомнения, актом мужества. Их пугала даже не смерть. Более всего они, узницы, боялись смотреть в глаза другим, боялись прочесть там презрение, боялись получить плевков в лицо... Не менее страшно бывало им подчас видеть улыбку на лицах узников, улыбку радости и благодарной памяти о последней встрече с музыкой.

Девочки в оркестре были очень разные и в лагерь попадали по разным причинам: прежде всего, конечно, за происхождение, но также и за политику, за то, что их родители прятали партизан. Среди них были те, которые пользовались успехом у офицеров СС, и те, кто подобными историями избежал. Хлеб был там золотом, на которое разменивались все, в том числе совесть и честь... Но таких, к счастью, было немного. Незнание языка сводило общение до минимума. Их общим языком стала музыка. Для себя они играли по ночам, если надзирателей не было рядом. Играли забытые мелодии мирного времени, модные песни и танцевали, вспоминая ту другую жизнь. Они читали сказки младшим и стихи Бодлера тем, кто постарше... И отчаянно мечтали — о белой сире-

ни, о пении птиц, о любви и нежности... Лишь самые верующие из них становились на вечернюю молитву, каждая в своем углу. Чей Бог допустил эту странную жертву избранности, избранности... для газовых камер? Кто-то читал по-русски "Жизнь в помощи Вышнего...", иные на распев по-польски "Мария, мать божья", и в рыданиях затихала заушная еврейская молитва "Кадиш"...

Дирижер — это судьба

...Отель "Ренессанс" в Карлсруэ. Вот так же, при свечах, вспоминая в тихую классическую музыку, в одном из номеров этой гостиницы почти шестьдесят лет назад сидела после концерта усыпанная цветами Альма Розе. Это о ней, знаменитой "девочке венского вальса" и руководительнице женского оркестра Аушвица, написал сценарий Артур Миллер. И о ней теперь рассказывает мне Анита Ласкер-Валь-

фшиш. Альма была строга и неумолима, за малейшую ошучку она могла больно пройтись смывком по пальцам виновницы или заставить мыть полы в бараке. Она знала возможную цену их ошибкам. В свободные минуты она закрывалась в своей комнате и почти ни с кем не разговаривала. Вся ее жизнь — до и во время войны — была связана с музыкой: родители, готовили ее к большой карьере, ее брак с известным музыкантом был их выбором и ее молчаливым согласием. Все заставляло профессиональную ревностью с его стороны: "Ты всего лишь племянница знаменитости, но не музыкант...", укаскими сценариями, травлей в прессе и ее разбитой скрипкой. Потом были годы постоянного тяжелого, порой страшного труда: девочки в оркестре на свободе, девочки в оркестре в лагере. Она так и не поняла, кто на нее донес и за что ее схватили. Лишь за то, что она еврейка? Но ведь она была знаменитой артисткой... Еще большей тайной окутала ее смерть. Ее оркестром в лагере восхищались, ей покровительствовало начальство. Как-то однажды Альма сообщила, что ее должны освободить...

Оркестру это показалось невероятным, но вероятность в Освенциме была относительная, как и сама жизнь. И прежде чем новость облетела весь лагерь, с Альмой произошло нечто странное: легкое недомогание, температура, боли. Смерть наступила через несколько часов. Экспертиза показала несколько причин ее смерти, так и не найдя единственной: нервный спазм, пищевое отравление или убийство...

На похороны скрипачки-еврейки собрался весь персонал лагеря — редкий случай в истории Освенцима, где статистика велась в тысячах и без траурных речей. Что это — лагерный миф, апокриф? Кто знает. Очевидцы по крайней мере утверждают, что было именно так. Стояли в задумчивости, глядя на смывок Альмы Розе и ее черную повязку с белой лентой — отличительный знак дирижера лагерного оркестра.

Но вернемся в Карлсруэ, в отель "Ренессанс". Увлеченный рассказом моей собеседницы, я еще толком не представляла вам ее. Анита Ласкер-Вальфшиш — обычная пожилая дама, каких много. Только на левой руке у нее цифры 69388 — номерной знак бывшей узницы Освенцима. Она описывает пережитое со сдержанной четкостью до документалиста — такой сдержанной, что кажется совсем закрытым че-

ловеком. Меня же не оставляет ощущение, что я говорю с целой эпохой.

Она не любит отвечать на вопросы о своих страхах, избегает разговоров о тогдашних эмоциях. Даже своим близким она не считала нужным рассказывать о днях в лагере. Анита, пожимая плечами, уточняет: "Зачем? Никто не спрашивал. Было много дел и мало времени на воспоминания".

Человеческая память обладает загадочной способностью — отбросив пережитые давно эмоции, сохранить лишь суть фактов и явлений. Десятилетия молчания подобно волнам вымывают из берегов памяти песчинки деталей, оставляя лишь осознание того, что будущие поколения должны унаследовать правду прошлого.

"Вы должны унаследовать правду" — появившийся в 1996 году воспоминания Анита посвятила детям и внукам, чтобы они знали, как все было... Она не согласна ни с версией Артура Миллера, ни со многими, что написала в свое время Фани Фенелон.

Почти 50 лет она не говорила на немецком языке, и если бы не ее гастроли с Лондонским камерным оркестром, она так и не побывала бы в Германии, которую покинула в 1946 году, оставив здесь прах родителей и разоренный дом. Много лет она повторяла: "Как я подаю руку убийцам моих родителей?" С грустью и удивлением констатирует Ласкер-Вальфшиш, что и сейчас проблема инородцев, антисемитизма в Германии своей актуальности, увы, не потеряла. "В Англии никогда не было темой разговоров, какой национальности человек", — уточняет она.

О том, что она еврейка, Анита впервые узнала в 1935 году, когда ее оскорбили на улице. Она чувствовала себя немкой, воспитанной на двух языках, немецком и французском, в либеральной и высокообразованной семье. Отец — известный адвокат, награжденный за заслуги в Первую мировую войну Железным крестом, мать — скрипачка. Политикой они не интересовались и эмигрировать не собирались, недоедая, как и многие, всю опасность национал-социализма. После известного погрома 9 ноября 1938 года эмигрировать было уже некуда: все страны были для евреев закрыты. Усилие ее дяди в Америке, шахматиста Ласкера, вывести семью из Германии оказалось тщетным. Родители Аниты были депортированы в 1942 году и погибли в Люблине. Она и ее сестра Рената работали на фабрике, сортировали мусор. Обе сестры делали фальшивые документы для французских рабочих. Они были схвачены гестапо в сентябре 1942 года. Перед судом хотели отравиться, но вместо цианистого калия в их семейном тайнике оказался сахар...

В Освенциме сестры попали по приказу 1943 года "О чистке всех немецких тюрем от евреев". Анита было 17, когда она подписала документ, что отправляется в Освенцим по своей воле. Она знала, что это означает: смертный приговор. У нее хватило мужества бросить тюремному врачу: "Не теряйте времени на обследование..." С Ренатой они нашли друг друга в Освенциме. Среди десятков тысяч людей они бежали друг к другу с криком: "Мама..." С той минуты и последующие сорок лет они расставались редко...

Итак, мы сидим при свечах, и я вновь слушаю Аниту.

Последние аккорды оркестра

...Офицеры СС, будто ненаасытые вальмиры, приходили в оркестровый барак и требовали музыки, концертов, веселья... Чем больше скрижали, тем больше требовали. Они уничтожали евреев и требовали модный фокстрот, второй колотого был (кстати!) американский еврей, они расстреливали цыган и восторгались чардашем, исполненным в бодром маршевом духе... Они истребляли жизнь, но просили сыграть "только-улыбку". Захлебнувшись в ненависти к другим народам, они жаждали сладости тихой, сентиментальной любви в темпе вальса...

Вечеринка в Освенциме... От этих слов мороз проходит по коже. И это было тоже.

"Из-за дождя оркестр будет играть в сауне" — так гласило объявление в тот вечер. Абсурд, ставший реальностью... Как и вынужденные улыбки оркестранток, исполняющих польку и с ужасом оглядывающих зал, черной от форм надзирателей в первых рядах и посылать от одежд узников, стоявших у стен.

Игра оркестра имела свою цену и свой объем: ведро кислой капусты на всех! Он играл и в карантинном бараке для больных, и в бараке для умилившихся... На приемах высоких чинов СС оркестр становился чуть ли не визитной карточкой лагеря. Гостиивший в 1944 году лагерь Гиммлер отметил высокую "трудоу" активность персонала для него попури из "Венской вдовы" Лягушкова. Особым центелем музыки был д-р Менгеле — врач, ученый, куда более известный своими страшнейшими опытами над людьми. Он предпочитал лирические вальсы, заигрывательный фокстрот и веселые марши. Это тот самый Менгеле, который мог подолгу держать живых людей в ледяной воде, изувачить силу удара тока на тело, потом сравнивая реакцию людей разных национальностей. Он любил цирковую музыку. По его желанию оркестр сопровождал выступлению цирка лилипуты.

Этот всемирно известный коллектив был доставлен в Освенцим из Венгрии. В ярких костюмах, масках, во фраках и украшениях, они танцевали, пели и играли весело и вдохновенно, как и положено артистам. Когда лилипуты Менгеле наддели, он самолитно отвел их в газовую камеру.

В конце 1944 года женский оркестр из Освенцима был переведен в лагерь Берген-Бельзен. Точнее — женщины были вывезены в лес, где позже был создан лагерь. Союзники были все ближе, и немцы отступали. Отступали не только войска, эвакуировались лагеря: сжигались трупы, документы, следы преступлений, разбегалась охрана. Оркестрантки были уверены, что их последний час настал. В палатках, без воды и пищи, окруженные тысячами трупов, они не жили — тлели. И только приближавшийся гул артиллерии и моторов самолетов — эта новая музыка — давал им слабую надежду на спасение.

Спаситель — британский солдат — прибыл 15 апреля 1945 года на танке.

В реальность его они не поверили. Так же как и он в увиденное. Английские военные оказались не готовы к страшной картине лагеря. Они говорили, что лучше воевать, чем видеть подобное. Для них, солдат-освободителей, девочки из оркестра пели "God save the King", и чуть позже вместе с русскими заключенными для русских — "Интернационал"... Музыка медленно возвращала их к новой жизни.

Вплоть до 1946 года Берген-Бельзен оставался для многих из них единственным домом. Европа была разрушена, их дома уничтожены, в другие страны, как Америка или Англия, попасть было не просто. Бывшие оркестрантки становились переводчицами, секретарями или медсестрами. Иногда они выступали с концертами, в том числе и в других освобожденных лагерях.

Анита Ласкер-Вальфшиш дала свидетельские показания о массовых убийствах в Освенциме и Берген-Бельзене. Она живет сегодня в Лондоне. Ее сестра Рената, многие годы проработавшая продюсером и журналистом на телевидении, — со своей семьей на юге Франции.

Решением суда Крамер и Мария Мандел были приговорены к смертной казни через повешение. "Доктор" Менгеле мирно закончил свои дни в Южной Америке.

Девочки из оркестра разлетелись по всему миру. Многие уехали в Палестину, кто-то вернулся в Польшу, Бельгию, Францию и Голландию.

Сегодня их осталось 12. Милые бабушки и прабабушки, они охотно музицируют в кругу своих семей и предпочитают о своей молодости не рассказывать.

Вместо финала

В Освенциме сегодня цветут цветы, растет трава и поют птицы. Большой современный музей и такой же большой архив.

Наибольший поток посетителей в Освенцим, как и в израильский мемориальный комплекс Яд Вашем, и в американский Музей холокоста в Вашингтоне, прибывает из Германии. Явление это становится обычным, и фразы типа "завтракали вчера в кафе Музея холокоста", "разговаривали с руководителем Освенцима" уже не режут слух. Музеи становятся виртуальными, память, растворяясь в новых поколениях, — пунктирной. Отношение к памяти у каждого поколения немцев свое: фотографии дедов и отцов в военной форме можно и сейчас увидеть во многих домах, в среднем поколении не хочет вспоминать о военном детстве, оставшемся в памяти благоволенным перерывом американскими консервами и страхом перед русскими солдатами. Младшее же поколение исторических дискуссиям попросту не интересуется. В процветающей стабильной демократии каждый, как говорится, имеет право на свое мнение. Если бы... Если бы не удерживающая в последние годы статистику роста неонацистских и — особенно — антисемитских выступлений, если бы не растущее число оксвернений мемориальных мест и кладбищ, не участвующих случаи поджогов синагог, избиения иностранцев... Правые идут на левых, левые обвиняют правых, зеленые призывают к мигрофрду, родители обвиняют школу, школа, в свою очередь, родителей... Все идет вновое... Дискуссии вокруг строительства самого большого в мире памятника жертвам войны, только на обсуждение проекта которого ушло десять лет, превратились в постоянный спор: делать ли памятник сразу всем жертвам войны или ставить отдельные памятники евреям и цыганам и где найти в Берлине место памятникам жертвам других национальностей, сексуальным меньшинствам и душевнобольным людям.

Память не камень. Память должна быть живой...

Моя память живая. Память о 20 миллионах русских людей и памяти о шести миллионах евреев, уничтоженных в годы той страшной войны, людей, которых я никогда не видела, жила во мне, как жила моя любовь к этим людям. И музыка женского оркестра из Освенцима тоже жила во мне... Ослепительный свет прожесточил память не дает мне уснуть. Я с ними там, между баракком А и баракком Б, теми, кого уже не вернуть, и теми, кто лишь приходит в этот мир... Мы вместе, на плацдарме, в вечном сражении за правду истории. О них всех — павших и живых — да будет неустанная молитва моя...

Елена СОЛОМИНСКАЯ
Дюссельдорф — Карлсруэ